

СКРИПТИЗАЦИЯ: ОТКРОВЕНИЕ, УКРЫВАНИЕ И ВМЕНЕНИЕ БЫТИЯ

**Философская мысль:
рецепция и интерпретация**

ПРОБЛЕМА НОВОГО: ФАНТАСТИЧЕСКОЕ, ЭВОЛЮЦИЯ И ГРАНИЦЫ ПРЕДСТАВИМОГО

А.Ю. НЕСТЕРОВ

Предметом обсуждения в настоящей статье является вопрос о соотношении фантастического как оно известно теории литературы и эволюции как она описывается в общеупотребительном ряду философских трактатов. Речь идет о соотношении механизмов или способов осуществления фантастического, фиксируемых в системе художественной коммуникации, и механизмов получения нового, работающих за пределами сугубо фикциональной, художественной среды. В рамках сопоставительного анализа этих механизмов нас будет интересовать содержательная специфика категории «новое» в свете вопроса о самоопределении человека, его свободе как целеполагания и целереализации. Языком обсуждения является общая семиотика.

Фантастическое

Вопрос о природе фантастического в теории литературы достаточно хорошо изучен¹. Фантастическое определяется как «чудо»², возникающее в структуре художественного коммуникативного акта, т.е. во взаимодействии текста (зафиксированной автором речи на определенном языке) и индивидуального мышления реципиента этого текста в акте чтения. Фантастическое, или «чудо» — это определенное состояние коммуникативного акта, или, другими словами, определенная коммуникативная ситуация, описываемая в терминах логики как «авторереферентное отрицание» и возникающая в том или ином измерении семиозиса³. Конкретные свойства этой ситуации зависят от места в структуре коммуникативного акта, в котором она возникает.

Количество и специфика мест в структуре коммуникативного акта, в которых могут складываться те или иные ситуации, зависят от теории или идеализации, посредством которой описывается коммуникативный акт в целом и художественный коммуникативный акт в частности.

Идеализация простейшего случая коммуникации подразумевает отношение «текст — читатель», где структуры сознания автора реализованы в структурах текста, а читатель актуализирует в собственном опыте объекты, транслируемые текстом. В такой идеализации — три слоя коммуникации, совпадающие с измерениями семиозиса: семантика, синтаксис и прагматика. Для текстов на формальных языках автореферентное отрицание — это синтаксическая последовательность, запрещающая семантику, т.е. делающая невозможной любого рода отсылку к объекту. В текстах на естественном языке автореферентное отрицание возникает в виде метафоры, построенной по корректным синтаксическим правилам, но, с точки зрения реципиента, лишенной объекта. Объект, обозначаемый метафорой, еще только должен быть построен субъектом, расшифровывающим эту метафору. Фантастическое в первом приближении — это такое соотношение измерений семиозиса, которое вынуждает реципиента создавать новые объекты.

В простейшей модели фантастическое невозможно отличить от метафизики, лжи, художественного как такового и т.п., поскольку во всех этих случаях у коммуникативного знака нет эмпирического, воспринимаемого объекта. Сложные модели коммуникативного акта требуют учета не только многослойности (горизонтальной и вертикальной упорядоченности) текста, но и многослойности сознания автора и читателя, допускающей «существование» не только воспринимаемого, но и логически непротиворечивого, равно как и того, что может быть прагматически учтено тем или иным способом. Классическая философия от Платона до Поппера разделяет индивидуальное сознание (то эго, которое участвует в акте чтения в качестве реципиента) как минимум на три уровня, подразумевая под ними чувственное восприятие, набор рассудочных структур и разум как аппарат рефлексии. В терминах семиотики каждый из этих уровней обладает измерениями семантики, синтаксиса и прагматики, так что количество мест в коммуникативной структуре, в которых возникает ситуация автореферентного отрицания, только в индивидуальном сознании реципиента текста увеличивается до девяти, а если учитывается гипотетическое авторское сознание, то до 18; таким образом, предельно прозрачная структура автореферентного отрицания способна порождать в акте интерпретации от девяти до восемнадцати фантастических, но онтологически совершенно отличных друг от друга ситуаций⁴.

Фантастическое означивание на первый взгляд радикальным образом отличается как от процедур прямого обозначения, связывающего элементы языка и элементы чувственного восприятия, так и от процедур косвенного обозначения, связывающего элементы языка с предметами рефлексии или «врожденными идеями». В прямом обозначении достаточно договориться о терминах и правилах вы-

вода, чтобы сформулировать общезначимое суждение, в косвенном обозначении необходимо описать исторически устойчивый способ рефлексии, приводящий к тому или иному общезначимому содержанию какого-то понятия: примером первого является язык экспериментальной физики или биологии, примером второго — язык религиозной проповеди или метафизического трактата. Фантастическое обозначение не является ни первым, ни вторым, поскольку не подразумевает указания на объекты, существование которых легитимируется определениями Дж. Беркли и У. Куайна⁵. Возможность существования фантастического возникает в связи с особым навыком означивания, позволяющим отрицать правило любого рода и через это отрицание выстраивать новые объекты и правила.

Предпосылки теории значения, позволяющие понять механизм осуществления фантастического означивания, сформулированы В. Изером⁶. В стандартных (ориентированных на описание прямой или косвенной референции) моделях акта обозначения решаются две задачи: привести к соответствию структуры языка, мышления и восприятия и дать максимально прозрачную формализованную структуру этого соответствия. Однако стандартные модели, несмотря на колоссальный прогресс логики в XX в., не в состоянии учесть и отобразить положение вещей, в котором язык, мышление, восприятие — это самостоятельные сферы бытия, миры, соответствие между которыми устанавливается умом человека и поддерживается культурой и ее историей: соответствие в виде корреспондентского отношения — это продукт рефлексии, и выяснение структуры этого соответствия есть прояснение процедур рефлексивного мышления. Язык и мышление — динамические системы. Референция — взаимодействие двух и более систем с различными скоростями изменения. Стабильность референции в случае прямого означивания обеспечивается стабильностью восприятия (последняя как таковая может быть обоснована лишь метафизически), в случае косвенного означивания — стабильностью способа бытия человека в мире, выражающего себя в истории культуры. Например, разница между денотатами понятий «дерево» и «любовь» — в количестве индивидуальных усилий, приложенных к поиску обоснования; а денотат понятия «смеющееся дерево» требует от реципиента качественно иного усилия, поскольку нуждается не в обосновании, но в создании.

Когда стандартная четырехкомпонентная модель референции (стоящая из знака как материального носителя, смысла как способа указания на денотат, самого денотата и интерпретанты как навыка, делающего возможной процедуру указания) применяется к описанию реальной коммуникации, она оказывается неполной. Языковой знак только указывает на объект, который реципиенту необходимо увидеть, припомнить или реконструировать. «Чужое слово», «лакуна», «место

неопределенности» — это термины теории литературы, указывающие на то, что язык лишь иницирует, возбуждает мышление к актуализации состояний, объектов, правил или ситуаций. Фактически, если рассматривать вопросы формирования объектов в индивидуальном сознании в контексте когнитивных наук и экспериментальной психологии, бытовая коммуникация оказывается только формой редукции сложных форм мышления, иницируемых языком, к квазипростым шаблонам. Художественная литература (образы которой по определению не относятся к «воспринимаемой объективной действительности») и тем более фантастика как специфическая отрасль художественной литературы строят системы означивания, отрицая их соотнесение с какой-либо действительностью: мышление реципиента фикционального текста уже на уровне навыка означивания соотносит текст не с наблюдаемым или умопостигаемым, но с тем, что должно быть построено посредством смыслов именно этого текста.

Фикциональный знак как таковой, определенный в четырехкомпонентной модели знака⁷, включает в себя следующее.

1. Интенциональный объект, или субъективное представление, подлежащее принципу привилегированного доступа, т.е. обладающее конкретным значением только для одного субъекта. Качественное отличие фикционального (вымышленного) объекта от объектов, формируемых чувственным восприятием, от предметов рассудка и от объектов, полученных рефлексией, заключается в том, что его не могут одинаково представить или вообразить два субъекта за исключением случаев подмены индивидуальной способности представления стабильными коллективными шаблонами. Семантическое правило в случае вымысла формулируется для всех типов знаков как ограничение стандартного правила: индекс, икона или символ обозначают здесь индивидуальные, далее не сообщаемые значения.

2. Порядок следования знаков, отличающийся от стандартного. Сказанное верно для простого случая художественного высказывания, где под художественным высказыванием понимается квазисуждение в смысле Р. Ингардена или псевдопредложение в смысле Р. Карнапа, т.е. такое суждение или предложение, которое не является ни истинным, ни ложным для корреспондентской теории. В смысле Ю.М. Лотмана синтаксическое правило художественного высказывания определяется как более сложный, нежели в обыденной речи, набор правил образования и преобразования, где под сложностью понимается включение дополнительных правил, маркирующих отличие художественной речи (дискурса вымысла) от обыденной. Технически указанная сложность выражена в учете синтаксических механизмов отрицания возможности суждения быть истинным или ложным. Смысл знака, обозначающего вымышленный объект, — это тем или иным способом маркированное место в знаковой системе.

Если маркирование осуществляется не синтаксически, т.е. если имеет место не художественный, а иной вымысел, то оно осуществляется на уровне прагматики.

3. Собственно материальная данность знака, обозначающего вымышленный объект. В случае языковых знаков, описывающих реальный эмпирический опыт, трансцендентальные или логические структуры, не возникает серьезных затруднений с тем, чтобы построить иерархию метаязыков, отделив для каждого уровня метаязык от языка-объекта. В случае вымысла сам объект как таковой не дан для анализа, так что его реальная структура включает в себя все компоненты не только обозначающего, но и обозначаемого знака. Иными словами, невозможно провести четкое логическое разделение на план языка, знаки которого обозначают вымышленные объекты, и план мышления (воображения, представления и т.п.), знаки которого обозначаются языком. В этом существенное отличие привилегированного доступа к собственным, эмпирически данным психофизическим состояниям, выступающим знаками тех или иных состояний организма, от привилегированного доступа к вымышленным объектам. Субстрат языкового знака, обозначающего вымышленный объект, включает в себя и язык, и мышление (не выражаемую на естественном языке деятельность сознания).

4. Особый навык распознавания, понимания или кодирования/декодирования знаков вымышленных объектов. Было бы существенно легче показать, чем прагматика вымысла отличается от прагматики обыденной речи, если бы существовал внятный, построенный не по принципу логического круга, ответ на вопрос, что вообще делает знак знаком или что такое знак. Пока такого рода ответа нет, можно довольствоваться диалектикой знака и фона, а именно некоторым правилом употребления знака в некоторой незнаковой среде, в соответствии с которым субъект должен располагать навыком обозначения отсутствующих в его эмпирическом или рефлексивном опыте объектов. Этот навык обычно формулируется как способность воображения (или представления), являясь после Канта вместе с эмпирическим опытом и трансцендентальными структурами рассматривается как источник нового познания. Опыт лжи, непонимания и вымысла показывает, что прагматический навык здесь более сложен и строится как снятие навыка обыденного означивания. Литературное высказывание, например, является более сложным, нежели ассерторическое суждение науки, ибо оно не обозначает действительность, но либо «подражает» ей, либо создает «действительность» в свете некоторой литературной нормы, выраженной набором эстетических и художественных кодов своей эпохи. Соответственно, поэт и читатель нуждаются в более сложно устроенном навыке распознавания чего-либо в качестве знака, который включал бы в себя большее число опосредований.

Фигура автореферентного отрицания (отрицания отрицания) для общего случая фантастического текста выстраивается тривиально. Текст в прагматическом измерении отрицает свою соотнесенность с действительностью, которой располагает реципиент (и которая подтверждена его опытом мышления и восприятия), однако в семантическом измерении строит значения, используя ресурсы именно отрицаемой действительности. Гоблины или демоны, ангелы или магические предметы, разумные океаны или межзвездные корабли — это продукты мышления, построенные им за счет отрицания наличных форм действительного опыта и создания новых. Фикциональный текст умножает «действительности» в сознании читателя, осуществляя эту процедуру в тех же механизмах означивания, в которых происходит нефикциональная коммуникация. «Чудо» заключается в том, что рассудочные структуры читающего фикциональный текст индивида оказываются способны создавать объекты, отсутствующие в какой-либо разновидности опыта, наделяя качеством «существующих» вещи и правила их построения, никогда не встречавшиеся ни в размышлении, ни в наблюдении. Возможность «чуда» возникает в связи с изменением навыка означивания, т.е. в связи с трансформацией интерпретанты: фантастический, или фикциональный знак на уровне прагматики оказывается коммуникативным знаком с отсутствующим значением (автореферентное отрицание маркирует именно отсутствие обозначаемого объекта), которое требует «наполнения».

Механизм «наполнения» значением знака с отсутствующим значением, или, другими словами, способ создания нового объекта средствами мышления на основе читаемого текста — это механизм понимания или интерпретации. Если для нефикциональной коммуникации верным будет утверждение, что читатель с помощью интерпретационных процедур должен открыть или найти то, чего он не понимает (отсутствующее значение у наличного коммуникативного знака), то для фикциональной коммуникации верно утверждение о том, что он должен нечто создать, чтобы снять свое непонимание. Механизмы интерпретации, таким образом, оказываются механизмами творчества, создания нового.

В свете сказанного тезис об онтологической и гносеологической самотождественности мироздания (например, приписываемая Гермесу Трисмегисту магическая формула «наверху то же самое, что и внизу» или замечание К. Аймермахера о том, что «никому еще не удавалось выйти за границы познаваемого»⁸) прочитывается как тезис о самотождественности механизмов интерпретации и творчества, восходящий к принципу самотождественности механизмов и структур семиозиса, создающих человека и его миры. Воспринимая последовательность коммуникативных знаков и расшифровывая ее в качестве текста на определенном языке, человек либо автоматически соотносит

ее с готовыми шаблонами чувственного восприятия или умозрения, либо оказывается в ситуации непонимания (знания о собственном незнании) и выстраивает новые ряды объектов в среде имеющегося в его распоряжении опыта. Крайне существенный вопрос в этой связи — это вопрос об ограничениях творческой способности, или, другими словами, проблема реальности, проблема тех контекстов, в которых осуществляется работа сознания по созданию объектов, структура которых нарушает ожидания, корректирует деятельность мышления, делает возможной ошибку, заблуждение и т.д.

Если бы в случае фантастического речь шла о полном произволе индивида (или хотя бы о возможности такого произвола) в отношении сред, в которых он участвует, тогда не просто пришлось бы согласиться с постмодернистским тезисом о том, что мир — не более чем текст, но и признать, что каждый в состоянии переписывать этот текст по собственным, только ему принадлежащим правилам. Однако иллюзия произвола в отношении правил семиозиса возникает лишь при переходе от одного шаблона к другому, характеризуя «наивного» зрителя. Фантастическое есть новое, которое возникает через отрицание семантического, синтаксического или прагматического правил на уровнях чувственного восприятия, рассудка или разума. В качестве собственно фантастического оно является таким новым, которое нарушает осознаваемые реципиентом границы, и, как правило, само это осознание границ и возможностей их нарушения кодифицировано контекстами культуры и истории. Проблема реальности возникает тогда, когда актуализируется вопрос о субстрате осуществления фантастического. Фантастическое в литературе выстраивается в пространстве воображения, в инобытии реального опыта, т.е. материальный носитель фикциональному знаку может предоставить только рассудок: когда фикциональный знак стремится к отображению в субстрате чувственного восприятия, возникают собственно вопросы о нарушении ожиданий, технике и эволюции.

Эволюция

Знаковые системы, в которых осуществляет себя сознание человека, с позиции субстрата или материи их реализации выражаются не только в эпистемологической перспективе, но и в онтологической. Вопрос о переводимости этих перспектив друг в друга остается открытым, однако ясно, что чувственное и умопостигаемое у греков, чувственное восприятие и рассудок у немецких классиков или эмпирическое познание и логический анализ в Венском кружке — это оппозиция двух субстратов реализации семиозиса, дуализм, актуальный как для теории познания, так и для онтологии. Во второй половине XX в. значимую роль в философии науки начинает играть плюралистическая онтология, прямо противопоставляющая физический, психический и

языковой субстраты (в виде «миров», разьединенных способом фальсификации предположений, сформулированных в терминах этих миров), к которым часто добавляются эстетический и этический.

В теории познания взаимодействие типов семиозиса описывается через отношение референции, принцип которого прост: знак в качестве значения прямо может обозначить только знак (явления становятся денотатами знаков рассудочных языковых структур, эти знаки становятся значениями метаязыков и т.д.)⁹. Онтологически задача описания взаимодействия типов семиозиса существенно шире: необходимо не только показать способы их корреляции, но и ответить на вопрос об условии ее возможности. Если фальсификационизм позволяет получить как минимум пять несовпадающих субстратов, из которых два являются традиционной парой (физический мир и мир языка или физический мир и психический мир в зависимости от того, берется ли дуализм в неопозитивистском или картезианском смысле), а оставшиеся три не только не добавляют ясности при анализе взаимодействия, но, наоборот, ставят новые вопросы о структуре знака в них и о способах общезначимого выражения этой структуры, то задача сформулировать онтологию для типов семиозиса приобретает характер программы фундаментальных научных исследований.

Оппозиция эпистемологического и онтологического подходов к фиксации типов семиозиса важна для понимания эволюции. Описание развития (как формирования нового) осуществляется через анализ границ познаваемого на фоне существенно более широких онтологических границ, где последние для теории познания остаются в виде явных или скрытых предпосылок. Развитие или возникновение «нового» как такового представляет собой фундаментальную философскую проблему; известные подходы к ее решению делятся на диалектический, системно-теоретический и синергетический.

Диалектическое решение проблемы «нового» сформулировано Г. Гегелем в рамках онтологии абсолютного идеализма и вводит его как синтез тезиса и его отрицания. Это знаменитая фигура треугольника, семиотически выражающая знак как тезис, значение как отрицание, а смысл — как синтез, т.е. то новое качество, которое в субстрате одного слоя позволяет учесть признаки более низкого слоя, и, в свою очередь, быть обозначенным, т.е. быть подвергнутым отрицанию¹⁰. Так понятие «новое» позволяет разграничивать количественные и качественные границы, т.е. рассматривать новое или как раскрытие ресурсов субстрата конкретного типа семиозиса, или как переход от одного субстрата к другому¹¹. Системно-теоретическое решение проблемы «нового» подразумевает, что «новое» есть результат наложения систем, переноса по аналогии¹². Научная продуктивность этого подхода, выражающаяся, например, в фундаментальном расширении границ физического знания средствами математики в

XX в., обусловлена соотношением как минимум двух субстратов семиозиса с целью обнаружения изоморфизмов или расширения границ отображения одного субстрата в другом. Синергетическое решение проблемы «нового» вводит эту категорию как описание состояния системы при выходе из точки бифуркации; эвристический потенциал этого подхода ясен пока не до конца.

Проблема эволюции сознания формулируется в виде ряда вопросов, каждый из которых задает соответствующее содержание понятия эволюции. Первый вопрос заключается в выявлении новых синтаксических правил той или иной функции сознания без изменения интерпретанты и субстрата ее реализации, второй вопрос связан с изменением интерпретанты и субстрата для отдельной функции, третий вопрос — с появлением, выработкой или открытием новых интерпретант и новых субстратов осуществления семиозиса.

Первый вопрос располагается в русле нормальной науки и, как правило, ответы на него формулируются с помощью системно-теоретического подхода. Типичным примером служит изоморфность синтаксиса языка и построения чувственного восприятия, в явном виде сформулированная Л. Витенштейном¹³ и допускающая в средствах математики расширение границ анализа вселенной за пределы чувственного восприятия человека: наложение системы описания на систему восприятия и есть способ получения новых фактов. Этот механизм демонстрируется структурой современного физического знания. Аналогичным образом возникает новое в рассудочных структурах, где друг на друга накладываются сугубо языковые правила, трансформируя и расширяя каждый конкретный язык: примером служит трансформация лексических и грамматических структур одного естественного языка под воздействием другого естественного или искусственного языка.

Второй вопрос располагается на стыке нормальной и революционной науки. Ответы на него связаны с анализом условий возможности процедур понимания коммуникативных знаков и познания эмпирических знаков, с выявлением истории переноса техник интерпретации из области филологии в область естественных наук.

В качестве описания условий возможности трансформации интерпретанты коммуникативного знака исторически используется принцип *aequitas hermeneutica* (принцип доверия, или герменевтической доверительности), генетически связанный с абдуктивным выводом (выдвижением объясняющей гипотезы). В качестве требования к интерпретации текста он появляется в христианской традиции у Августина («верь, чтобы понимать»), выступая, например, у Ансельма основанием онтологического доказательства. Первое определение этого принципа представлено у Ф. Майера: «Герменевтическая доверительность (*aequitas hermeneutica*) есть стремление толкователя

считать те значения герменевтически истинными, которые наиболее соответствуют совершенствам автора знаков, пока не раскроется обратное»¹⁴. В технической герменевтике история этого принципа представлена сначала в виде требования понять автора так же хорошо, как он сам себя понимал (у Х. Вольфа), затем лучше, нежели он сам себя понимал (у Ф. Шлейермахера), а затем тезисом о том, что автора вообще нельзя понять, не понимая его каждый раз иначе (у Х.-Г. Гадамера). Будучи заново поставлен в аналитической философии Н. Уилсоном, этот вопрос широко обсуждался во второй половине XX в.; современное определение таково: «Интерпретатор конвенционального знака должен считать истинной ту интерпретацию, которая наиболее соответствует предпосылке “совершенства” знака, настолько долго, насколько это будет возможно»¹⁵.

Принцип герменевтической доверительности есть требование к реципиенту (толкователю, интерпретатору, слушателю, зрителю и т.д.) сообщения, реализация которого обеспечивает возможность коммуникации в виде наличия значений, соотнесенных с синтаксическими смыслами языка. В общем случае это требование «стремиться понять»¹⁶, проективным эквивалентом которого является требование «ясности выражения» к отправителю сообщения. Реализация этого стремления приводит к трансформации навыка означивания, открывая новые синтаксические и семантические ресурсы языков.

Перенос принципа доверия с семиозиса коммуникации на семиозис познания произошел вследствие развития теории интерпретации в XX в. Если для классической филологической традиции XIX в. интерпретацией является процедура обнаружения истинного значения знака, то XX в. осуществляет переход от так называемой «сильной» интерпретации к «слабой». Разница между первой и второй заключается в том, что рассматривается в качестве интерпретируемого: «сильная» интерпретация ограничивает интерпретируемое коммуникативными знаками (соответственно интерпретация заканчивается там, где устанавливается связь между знаком и его не-знаковым значением, фактом), «слабая» же интерпретация вообще не накладывает ограничений на область интерпретируемого, так что любой факт может быть проинтерпретирован как знак эмпирического уровня в свете какой-либо теории¹⁷. Таким образом, трансформация интерпретанты эмпирического знака также определяется принципом доверия, регулирующим навык использования органов восприятия для фиксации тех или иных образов, называемых «существующей действительностью», «фактом» и т.п.

Если прагматика коммуникативных процессов, устанавливающая правило употребления, есть результат обучения, то прагматика акта восприятия, отображаемая в биологически заданном принципе до-

верия, также может быть достигнута с помощью обучения, может быть трансформирована и развита. Развитие техники (где под техникой понимается экзосоматическое проективное осуществление рассудочных и воспринимающих механизмов) пока осуществляется на основании принципа аналогии, при неосознанном копировании интерпретант, присущих восприятию человека. Внимательный же анализ прагматического измерения семиозиса для процессов чувственного восприятия должен обеспечить возможность радикально иных навыков фиксации среды, сопоставимых с появлением тех или иных органов восприятия в процессе эволюции.

Третий вопрос, формулирующий проблему эволюции сознания, представляется наиболее сложным. Не трансформация существующей интерпретанты в рамках имеющегося субстрата, но создание нового навыка, открывающего новые субстраты осуществления семиозиса, — это вопрос, выходящий за пределы сугубо научного знания и вовлекающий в обсуждение литературные, мистические, религиозные и собственно философские модели. После Декарта единственным инструментом, допускающим последовательный переход от одной интерпретанты к другой, от одного субстрата к другому, считается отрицание, после Гегеля синтетическое единство субстрата и его отрицания интерпретируется как новый субстрат. Следует, однако, отметить, что за пределами онтологии абсолютного идеализма (в любой из версий онтологического монизма как учения о недвойственности) отрицательный или диалектический подход носит сугубо описательный характер: диалектически удобно описывать, например, переход от восприятия к его фиксации языком, однако это описание отнюдь не отвечает на вопрос о том, почему восприятие означает язык, а не чем-то иным¹⁸. Нельзя утверждать, что структура взаимодействия функций сознания полностью описывается диалектикой, равно как нельзя утверждать, что диалектика объясняет это взаимодействие, осуществляющееся в виде референции. Позитивный инструмент, который предлагает диалектика, — это механизм анализа процесса создания инобытия (образа или модели) некоторой функции сознания или комплекса функций. Подобного рода инобытие всегда определяется синтезом модели, фиксируемой разумом в рефлексии, и ее отрицания. Эволюцию культуры можно в целом охарактеризовать через механизмы создания инобытия функций сознания и последующего его переноса в сферы разума, рассудка и чувственного восприятия. История западной культуры показывает, что такого рода диалектический синтез в комбинации с переносом по аналогии серьезно воздействует не только на синтаксические и семантические правила функций сознания, но и на их интерпретанты, позволяя изменять и дополнять исходные субстраты.

Представимое

Эволюция как открытие новых форм семиозиса — в истории человечества и в границах эпистемически фиксируемой семиосферы — определяется сочетанием ряда процессов, включающих, как минимум, рефлексивную способность к созданию инобытия (образа или модели), способность соотнесения рефлексивной модели и синтаксиса рассудка (последний может браться в виде систем логико-грамматических правил или экзосоматической технической среды), способность фиксировать инобытие в качестве цели и комбинировать ресурсы семиосферы для ее достижения. Онтологические основания эволюции как таковые в методологическом смысле возникают в виде такого инобытия, которое обеспечивает то или иное расширение границ познаваемого.

Эволюция сознания в описанном периоде истории человечества носит характер автокоммуникативной самодетерминации. Человечество как субъект коммуникации оставляет самому себе сообщение¹⁹, фиксирующее инобытие функций сознания, осуществляет на основании этого сообщения перенос по аналогии и далее прилагает усилия для его технического осуществления. В глобальном смысле эволюция человечества (материально фиксируемая в развитии новых художественных языков, новых научных теорий, новых систем социальной организации) является единственным выражением его свободы.

Исключительно важным в этом вопросе является понимание конкретных семиотических механизмов осуществления инобытия, способов установления инобытия в качестве цели и выявление соотношения целеполагания и средств его реализации. Инобытие как фантазия или вымысел — это фикциональный знак, формулируемый в субстрате разума, технически получаемый путем рефлексии, содержательно определенный границами восприятия и рассудка, навыками осуществления рефлексии. Статус цели инобытие обретает тогда, когда возникает изоморфизм ресурсов проективной деятельности (технических систем рассудка) и семантики фикционального знака, т.е. тогда, когда семантическое правило инобытия носит иконический по отношению к рассудку характер, обладая некоторым общим с ним набором черт, позволяющим рассудку рассматривать этот знак как образец, следование которому раздвинет его границы. В прочих случаях инобытие остается либо просто вымыслом (индексальным знаком), либо превращается в символ веры (символический знак).

Реализация семантического правила фикционального знака (инобытия), определение его статуса как индекса, иконы или символа, содержательно задает самодетерминацию семиосферы и тем самым — направление эволюции сознания. В реальной коммуникации этот процесс определяется порядком учета субъектом правил измерений семиозиса и зависит от того, является ли он субъектом или рецепи-

ентом фикционального высказывания. Фикциональный знак для говорящего — это ситуация нахождения синтаксического места в речи для наличного объекта субъективного представления, который как таковой возникает вместе с выражающим его синтаксисом: семантическое и синтаксическое правило реализуются одновременно, прагматическое правило здесь, по сути, совпадает с семантическим. Фикциональный знак для слушающего — это ситуация, в которой на уровне реализации прагматического правила субъект должен решить, какого рода навык интерпретации ему следует применить. В более общем плане процесс реализации семантического правила фикционального знака формулируется для текста или системы коммуникации безотносительно к субъекту или реципиенту конкретного сообщения. Положение Ю.М. Лотмана и Р. Барта о двойной активности текста и слушателя позволяет ввести текст как систему, навязывающую среде определенную систему кодов, так что для семиосферы, где релевантный набор прагматических навыков упорядочен, вопрос о соотношении смысла фикционального знака и правила его употребления — это вопрос стабилизации употребления некоторого образа в его определенной семиотической реализации. Применительно к автокоммуникации этот процесс можно обозначить термином «идеология».

Фантастическое как частный случай нового и, соответственно, как наиболее очевидный пример расширения границ представимого демонстрирует не столько творческую свободу человека, сколько ограничения этой свободы. Свобода как отношение к себе, как сила, большая, нежели любое ее выражение, оказывается связанной комплексом правил, нарушение которых, в свою очередь, подчиняется жестким правилам. Именно это положение вещей демонстрирует видение будущего научной фантастикой XX в. С одной стороны, фантастические саги от А. Азимова, Р.А. Хайнлайна, Р. Желязны вплоть до У. Гибсона и Р. Рюкера, показывающие «историю будущего», созданы по готовым шаблонам эволюционных моделей и лишь воссоздают «несказанное сказанного» своей эпохи в рамках определенной художественной нормы; с другой стороны, практика научно-технического прогресса всегда оказывается связанной с непрогнозируемым нарушением, отрицанием конкретных правил семиозиса.

Резюме

Беллетристика, особенно в жанре научной фантастики, показывает границы представимого своей эпохи. Содержательное (историческое) и методологическое исследование сформулированных в беллетристике границ средствами теории литературы предлагает убедительные модели формирования «нового», изоморфные моделям возникновения «нового» в реальной науке. В этой связи изучение

теоретико-литературных вопросов инженерами и представителями фундаментальных наук позволяет сформировать широкий кругозор, в рамках которого модели теории литературы будут способствовать росту реального знания о мире. Нельзя ожидать от теории литературы содержательных решений в вопросах эволюции, поскольку литература как таковая лишь показывает предельные границы, расширяя сферу представимого у своего читателя. Вместе с тем именно в теории литературы сформирован методологический аппарат, позволяющий наряду с обсуждавшимися в статье вопросами об эволюции учитывать идеологическую нагрузку как научных теорий прогресса и популярных моделей будущего современных визионеров типа Р. Курцвейла, М. Каку или Д. Ицкова²⁰, так и вставшие предельно остро в связи с трансгуманистическими преобразованиями структур социума вопросы прагматики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема). Сборник материалов международной научной конференции / сост. А.Ю. Нестеров, Е.Р. Кузнецова. – Самара, 2009.

² Ср.: «Фантастика есть отрасль литературы, подчиняющаяся всем общелитературным законам и требованиям, рассматривающая общие литературные проблемы (типа: человек и мир, человек и общество и т.д.), но характеризующаяся специфическим литературным приемом – введением элемента необычайного» (Стругацкий А., Стругацкий Б. Фантастика – литература // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. В 10 т. Т. 2Д. – М., 1993. С. 347).

³ См.: Нестеров А.Ю. Проблема определения понятия фантастического // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 35 – 42.

⁴ См.: Нестеров А.Ю. Семиотическая схема познания и коммуникации. – Самара, 2008.

⁵ «Существовать – значит быть значением переменной» (Quine W.V. Designation and Existence // Journal of Philosophy. 1939. Vol. 36. No. 26. Dec. 21. P. 708; Quine W.V. Notes on Existence and Necessity // Journal of Philosophy. 1943. Vol. 40. No. 5. Mar. 4. P. 118).

«Существовать – значит быть воспринимаемым» (Berkely G. Philosophical Writings. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 84).

⁶ См.: Iser W. Der Akt des Lesens: Theorieästhetischer Wirkung. – München, 1994.

⁷ См.: Нестеров А.Ю. Семантика вымысла: эпистемологический статус значения фикционального знака // Именование, необходимость и современная философия. – СПб., 2011. С. 154 – 169.

⁸ Аймермахер К. Все ярко, пестро, нестройно... // Аймермахер К. Знак. Текст. Культура. – М., 2001. С. 16.

⁹ Ср.: «Закон способности обозначения: одно из связанных друг с другом представлений становится средством познать действительность другого» (Baumgarten A.G. Metaphysik. – Jena, 2004. S. 143).

¹⁰ См.: Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. – М., 1974 – 1977.

¹¹ В философии науки эта модель прямо реализована Г. Гюнтером, косвенно – К.Р. Поппером. В рамках общей теории значения в разработке концепции значения как отрицания наиболее влиятельными являются работы В. Изера.

¹² См.: Общая теория систем. – М., 1966.

¹³ Ср.: «Границы моего языка обозначают границы моего мира» (*Wittgenstein L. Werkausgabe. In 8 Bänden. Bd. 1. – F.a.M., 1999. S. 67*).

¹⁴ *Mayer G.F. Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst. – Hamburg, 1996. S. 17.*

¹⁵ *Künne W. Verstehen und Sinn. Eine sprachanalytische Betrachtung // Bühler A. (Hrsg.) Hermeneutik. – Heidelberg, 2003. S. 72.*

¹⁶ Ср.: «Кто стремится понять текст, тот готов позволить ему сначала что-то себе сказать» (*Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. – Tübingen, 1990. S. 273*).

¹⁷ Эта мысль впервые была сформулирована Г. Шольцом (*Шольц Г. Корни спора о герменевтике // Литературоведение и герменевтика. Феномен границы в литературе. – Самара, 2010. С. 18 – 31*), ее дальнейшую разработку см.: *Нестеров А.Ю. Интерпретация, ее стратегии и проблема недостаточной определенности значения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – Томск. 2011. № 4 (16). С. 38 – 45.*

¹⁸ Эта ситуация зафиксирована уже софистами. Совершенно непонятно, как отвечать на вопрос «как можно спрашивать о том, чего не знаешь?», хотя в каждый момент времени можно задать вопрос о том, чего не знаешь, без каких-либо проблем. Эпистемология описывает эту ситуацию, классифицирует и анализирует варианты оппозиций знания и незнания (см.: *Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. – М., 2010. С. 152 – 174*), но онтологическое условие ее возможности – открытая проблема.

¹⁹ Ср.: *Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2010. С. 150 – 390.*

²⁰ См.: Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / сост. и отв. редактор Д.И. Дубровский. – М., 2013.

REFERENCES

- Baumgarten A.G. Metaphysik. Jena, 2004. S. 143.*
Berkely G. Philosophical Writings. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
Dubrovskiy D.I. (ed.) Global'noye budushcheye 2045. Konvergentniye tekhnologii (NBICS) i transgumanisticheskaya evolutsiya. – Moscow, 2013.
Dubrovskiy D.I. Obman. Filosofsko-psikhologicheskii analiz. – Moscow, 2010. P. 152 – 174.
Eimermacher K. Vsyo yarko, pyostro, nestroyno... // Eimermacher K. Znak. Tekst. Kul'tura. Moscow, 2001.
Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. – Tübingen, 1990. S. 273.
Hegel G.W.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. V 3 tomakh. – Moscow, 1974 – 1977.
Iser W. Der Akt des Lesens: Theorieästhetischer Wirkung. – München, 1994.
Künne W. Verstehen und Sinn. Eine sprachanalytische Betrachtung // Bühler A. (Hrsg.) Hermeneutik. – Heidelberg, 2003.
Lotman Y.M. Vnutri myslyashchikh mirov // Lotman Y.M. Semiosfera. – Saint Petersburg, 2010. P. 150 – 390.

- Mayer G.F. Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst. – Hamburg, 1996. S. 17.
- Nesterov A.Y. Interpretatsiya, yeyo strategii i problema nedostatochnoy opredelyonosti znacheniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. – Tomsk. 2011. No. 4 (16). P. 38 – 45.
- Nesterov A.Y. Problema opredeleniya ponyatiya fantasticheskogo // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. No. 305. P. 35 – 42.
- Nesterov A.Y. Semantika vymysla: epistemologicheskii status znacheniya fiktsional'nogo znaka // Imenovaniye, neobkhodimost' i sovremennaya filosofiya. – Saint Petersburg, 2011. P. 154 – 169.
- Nesterov A.Y. Semioticheskaya skhema poznaniya i kommunikatsii. – Samara, 2008.
- Nesterov A.Y., Kuznetsova Y.R. (eds.) Fantastika i tekhnologii (pamyati Stanislava Lema. Sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii. – Samara, 2009.
- Quine W.V.O. Designation and Existence // Journal of Philosophy. 1939. Vol. 36. No. 26. Dec. 21.
- Quine W.V.O. Notes on Existence and Necessity // Journal of Philosophy. 1943. Vol. 40. No. 5. Mar. 4.
- Scholz G. Kornii spora o germenевtike // Literaturovedeniye i germenевtika. Fenomen granitsy v literature. – Samara, 2010. P. 18 – 31
- Strugatskiy A., Strugatskiy B. Fantastika – literatura // Strugatskiy A., Strugatskiy B. Sobraniye sochineniy v 10 tomakh. Vol. 2D. – Moscow, 1993.
- Wittgenstein L. Werkausgabe. In 8 Bänden. Bd. 1. – F.a.M., 1999.
- Obshchaya teoriya sistem. – Moscow, 1966.

Аннотация

В статье рассматривается соотношение фантастического как оно представлено в теории литературы и эволюции как она описывается в философских трактатах. Автор анализирует соотношение механизмов или способов осуществления фантастического, фиксируемых в системе художественной коммуникации, и механизмов получения нового, работающих за пределами сугубо фикциональной, художественной среды, определяет специфику категории «новое» в свете вопроса о самоопределении человека, о его свободе как целеполагании и целереализации.

Ключевые слова: фантастическое, новое, эволюция, коммуникативный акт, текст, автореферентное отрицание, семиозис.

Summary

The article examines the correlation of the fantastic as presented literature theory and evolution described in philosophical works. The author analyzes the correlation of the mechanisms or ways in which the fantastic is realized, fixed in the system of artistic communication and the mechanisms of receiving the new that are working outside the strictly fictional, artistic medium, and determines the specific character of the category of «the new» in light of the question on human self-determination and freedom as goal-setting and realization.

Keywords: the fantastic, the new, evolution, communicative act, text, self-referential negation, semiosis.